Позднякова Ольга Александровна

КОНЦЕПЦИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается трансформация концепции ядерного сдерживания в российско-американских отношениях в постсоветский период. Основное внимание автор уделяет факторам, обуславливающим необходимость сохранения и модификации концепции ядерного сдерживания в современных отношениях России и США.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 153-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Здесь нам может помочь уточнение понятия совершенства. Вопрос стоит следующим образом: как совершенный мир становится совершённым? Совершенный по отношению к миру значит внутренне согласованный, но только возможный, совершённый — существующий. Сама возможность есть совершенство, которое «вправе требовать» для себя существования. Однако существование является достаточным основанием для вообще всякой возможности. И поскольку полнотой совершенства обладает только Бог, постольку ни один из возможных миров не совершенен в превосходной степени, так же и всякий совершённый мир не есть Бог (это указание на неполноту всякого возможного/существующего мира принято называть принципом ограниченности). И поскольку ни один из возможных миров не лишен ограничений, то нет и основания для того, чтобы интерпретировать необходимость в пятом тезисе как необходимость метафизическую, напротив, мы должны понимать ее как необходимость только моральную, сообразно которой противоположный тезис не заключает в себе противоречия, следовательно, есть возможность, чтобы наиболее совершенный мир все же не был совершён, то есть в пятом тезисе «необходимость» следует заменить на контингентность. Напротив, из четвертого тезиса, вкупе с принципом ограниченности, следует, что ни один из совершенных миров не существует с необходимостью, ведь если наиболее совершенный из возможных миров не обладает достаточным «натиском», то же нужно утверждать и про все остальные. Итак, хотя совершенство все же логически связано со стремлением к бытию, то есть бороться за существование значит проявлять совершенство, все же существование есть не победа, но благодать. Итак, в существовании вещи нет ничего, чего уже не содержалось бы в ее сущности, за исключением благодати, то есть собственно существования.

Список литературы

1. **Лейбниц Г. В.** Абсолютно первые истины // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. III.
2. **Шеллинг Ф. В. Й.** Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 2.
3. **Blumenfeld D.** Leibniz's Theory of the Striving Possibles // Studia Lebniziana. 1973. Jahrgang V. S. 163–177.
4. **Grua G.** G. W. Leibniz: Textes Inédits: 2 vols. Paris, 1953.

LEIBNIZ'S CONCEPTION OF COMPETING WORLDS: MEMORY ABOUT GOOD CALLING

Evgenii Vital'evich Malyshkin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy History
St. Petersburg State University
malyshkin@yandex.ru

The author substantiates the thesis that Leibniz's conception of competing worlds should be interpreted in terms of contingency, shows the role of the notion "existence" in this conception, and considers the comprehension difficulties of this notion in Leibnitz's general metaphysical project.

Key words and phrases: conception of competing worlds; virtual existence; existence as God's grace.

УДК 93

В статье рассматривается трансформация концепции ядерного сдерживания в российско-американских отношениях в постсоветский период. Основное внимание автор уделяет факторам, обуславливающим необходимость сохранения и модификации концепции ядерного сдерживания в современных отношениях России и США.

Ключевые слова и фразы: российско-американские отношения; ядерное оружие; стратегическая стабильность; ядерный паритет; стратегические наступательные вооружения.

Ольга Александровна Позднякова
Кафедра современной отечественной истории
Иркутский государственный университет
o.pozdnyakova@list.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД©

Динамика современных российско-американских отношений уже не задает настроение международного сообщества, не детерминирует состояние всеобщего миропорядка, биполярная система мироустройства безвозвратно ушла в прошлое. Однако частью истории стали лишь открытая конфронтационная модель

© Позднякова О. А., 2011

отношений России и США, основанных на военном превосходстве, и жесткий идеологический каркас, сохранявший полувековой раскол мирового сообщества. Советско-американские отношения, основанные на ядерном паритете, трансформировались в российско-американские отношения, важной составляющей которых по настоящее время остается концепция ядерного сдерживания. Кроме того, «холодная война» не завершилась демонтажем советского военного потенциала, как это произошло с Германией и Японией после Второй мировой войны [10]. В результате противоборства был понижен статус СССР/России, но это не выразилось в полном исчезновении с международной арены недавнего противника, а, значит, сохранило препятствия на пути к глобальному доминированию США.

Со времени своего возникновения в конце 50-х – начале 60-х годов XX века, концепция ядерного сдерживания изменялась под воздействием возникающих угроз, провозглашаемых целей и сопутствующих обстоятельств. К моменту окончания советско-американского противостояния началась коренная модификация концепции. Стоит акцентировать внимание не только на военно-тактическом аспекте концепции, состоящем в угрозе применения ядерного оружия, исключающем возможность нападения противника, но и политико-психологическом, заключающемся в ответственности за нанесение ядерного удара и наступившие последствия. В период конфронтации обладание ядерным оружием рассматривалось как выражение непосредственной военной силы. К 1991 году у противоборствующих сторон было примерно одинаковое количество развернутых носителей (2500 единиц у СССР и 2246 единиц у США), а также примерно одинаковое количество боезарядов на развернутых носителях стратегических наступательных вооружений (10271 единица у СССР и 10563 единиц у США) [12].

После окончания холодной войны ядерное сдерживание стало терять военно-техническую направленность и все больше приобретать геостратегические черты. Данная тенденция превращает результат процесса эволюции ядерного оружия из механизма военной силы в инструмент политического давления. Совершенствование качества и увеличение количества ядерных вооружений постепенно снижало вероятность прямого ядерного конфликта, тем не менее, факт наличия огромных потенциалов не мог не оказывать влияния на российско-американские отношения. Таким образом, ядерное оружие, созданное в целях реализации национальных притязаний, в широком смысле превращалось в политический рычаг, обеспечивающий статус его обладателя.

Так, на протяжении 90-х годов XX столетия сохранить особое положение России удалось благодаря статусу ядерной державы. Россия все еще остается единственной страной, способной с помощью своего ядерного арсенала уничтожить США [5, с. 43]. Кроме того, в постконфронтационный период некоторые специалисты стали по-иному трактовать сущность системы сдерживания. В. Дворкин определяет ядерный аргумент как сдерживание от возврата к конфронтации, силовому противостоянию и гонке вооружений [2, с. 46]. При этом российско-американский стратегический паритет обеспечивает не только функцию взаимного сдерживания, но и сдерживание угроз от других государств в рамках общемировой напряженности. Необходимо отметить, что в первое десятилетие постбиполярного миропорядка некоторые российские эксперты при наихудшем развитии обстановки не исключали возможность вовлечения России в ядерный конфликт в качестве объекта санкций со стороны США и НАТО по боснийскому, косовскому или иракскому образцу [7, с. 54].

В начале XXI века эволюция концепции ядерного сдерживания в российско-американских отношениях проходила под влиянием вопроса о противоракетной обороне. Выход США из Договора по ПРО 1972 г., решение о размещении элементов системы национальной системы противоракетной обороны (НПРО) в Восточной Европе внесли серьезный дисбаланс в российско-американские отношения в области стратегической стабильности. Стало очевидно, что ядерный паритет с Россией тяготит США. Американский истеблишмент посчитал бессмысленным сохранение старых режимов сокращения и ограничения стратегических вооружений, желая выстраивать внешнеполитическую линию без ограничения в выборе средств и целей.

Происходящие события некоторые российские и американские представители общественных и военных структур характеризовали как начало нового ядерного века. А. А. Кокошин отмечает, что мы вступили во «второй ядерный век», который будет существенно отличаться от первого, начавшегося в 1945 г., и именно в ядерной сфере будет развиваться многополярность, правда, с существенными ограничениями [4, с. 19]. По данным отчета Государственного департамента США о состоянии ядерных арсеналов, США располагают 882 межконтинентальными баллистическими ракетами, баллистическими ракетами подводных лодок и тяжелыми бомбардировщиками. Количество развернутых средств доставки у России - 521. Ядерный потенциал США включает в себя 1800 развернутых боезарядов и 1124 развернутые и неразвернутые пусковые установки, включая тяжелые бомбардировщики, в то время как у России есть 1537 развернутых боезарядов и 865 развернутых и неразвернутых пусковых установок [1]. Однако, доклад Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) содержит данные о том, что Россия имеет 2427 развернутых боеголовок и ядерный арсенал в 8570 неразвернутых ядерных боеголовок. Для США эти показатели составляют 2150 и 6350 единиц соответственно [8]. При такой внушительной разнице с официальными данными можно предположить, что в докладе SIPRI идет речь не только о стратегическом, но и о тактическом ядерном оружии.

Рассмотрение российско-американских отношений в международном контексте позволяет сделать вывод о низкой степени реализации правовых актов в сфере ядерного сдерживания, основанной на дисбалансе и неравномерных итогах сокращения вооружений. США до настоящего времени не ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В 2001 г. состоялся выход США из Договора по ПРО, и до сих пор нет подобного основополагающего документа, который смог бы стабилизировать систему современных российско-американских отношений в сфере ядерного сдерживания. В 2002 г. был подписан Договор

о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Однако специалисты оценивают данный договор крайне критично [3]. В начале XXI века ракетно-ядерный потенциал России как инструмент реализации геополитических интересов не обеспечивал российских притязаний на равнозначные условия, поэтому и Договор СНП, основанный на диспаритетных позициях, не был нацелен на обеспечение стратегической стабильности в дальнейшем.

В Военной доктрине России, принятой в 2010 г., и Основах государственной политики в области ядерного сдерживания до 2020 г. ядерное оружие определено как важный фактор предотвращения возникновения ядерных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения. В Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2010 г., и Четырехлетнем военном обзоре ядерный потенциал сдерживания обозначен как опора военного превосходства США. Таким образом, российско-американские отношения по-прежнему развиваются в формате взаимного сдерживания. Некоторые исследователи ядерной проблематики называют такой подход устарелым, указывают на него как на помеху трансформации российско-американских отношений [9, с. 65]. Однако, уровень доверия, декларированный на официальном уровне, в действительности не достигнут, поэтому в сфере стратегической стабильности отношения двух экспротивников в ближайшей перспективе не могут развиваться в другом формате. Вместе с тем, нельзя утверждать, что отношения России и США в области ядерного сдерживания обречены на перманентное эскалационное развитие. Уникальным событием в истории российско-американских отношений явилось сотрудничество в области сокращения вооружений в период действия Договора СНВ-1, обусловленное стратегическим равенством. На современном этапе прозрачность отношений между Россией и США, после выхода США из Договора по ПРО, на таком уровне невозможна. Для России особенно важно не только сохранить, но и модифицировать систему ядерного сдерживания, так как в современных геополитических условиях в случае отказа от нее альтернативного пути обеспечения национальной безопасности пока не найдено. В двустороннем порядке необходимо вырабатывать меры по взаимному снижению ядерных рисков, таких как увеличение времени оповещения о ракетном нападении, и уменьшению негативных тенденций, связанных с сохранением формата ядерного сдерживания. Нивелировать подобные тенденции возможно при переходе к «виртуальному сдерживанию», основанному на угрозе смонтировать определенное количество боезарядов, устраняя при этом необходимость содержать боезаряды в готовом виде [11].

При отказе от системы ядерного сдерживания Россия и США не смогут в ближайшие 10-15 лет демонтировать свои ядерные потенциалы, поэтому в среднесрочной перспективе российско-американские отношения в сфере стратегической стабильности будут развиваться именно в этом формате. Несмотря на процессы сокращения ядерных сил, для российского и американского арсеналов военно-стратегическое значение ядерного оружия сохраняется. Необходимо приложение серьезных политических усилий, чтобы внутренняя инерция противостояния, находящаяся в основе российско-американских отношений, не только не переросла во внешнее противоборство, но и трансформировалось в конкурентоспособные и транспарентные отношения. Однако США такие отношения будут поддерживать только с потенциально равным участником международных отношений. Статус современной России, ее геостратегические притязания подкреплены в значительной степени ядерным потенциалом. Кроме того, как отмечает Е. Примаков, пока в международных отношениях остается угроза «проецирования силы» и ее прямого применения, Россия будет вынуждена сохранять достаточный военный, в том числе, ядерный потенциал для защиты себя и своих союзников, отстаивания своих законных интересов [6].

Отказ от концепции ядерного сдерживания трудноосуществим и по причине высокого уровня недоверия в российско-американских отношениях. В данной плоскости находятся дискуссионные вопросы ошибочного запуска стратегических ракет [2, с. 52], последствия получения ложной информации от систем предупреждения о ракетном нападении, постоянного присутствия американских контингентов на постсоветском геополитическом пространстве. Кроме того, американское руководство предпринимает разнообразные меры воздействия на состояние ракетно-ядерного щита России, выкупая высокообогащенный уран, тем самым лишая Россию возможности модернизации стратегических вооружений[1].

Угроза применения оружия массового поражения (ОМП) «пороговыми» государствами, нелегитимными обладателями ядерного оружия не только не позволяет отказаться от ядерного оружия, но и актуализирует систему ядерного сдерживания. Глобальными вызовами современности действительно являются разработки ОМП развивающимися странами и угроза использования этих разработок террористическими организациями. Также нужно отметить сохраняющуюся нестабильность не только в странах третьего мира и на постсоветском пространстве, но и в общемировом контексте. Данное обстоятельство не позволяет отказаться от собственного ядерного оружия в целях обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, ядерное оружие продолжает оказывать значительное влияние на международные отношения и в XXI веке. Огромные арсеналы стратегических вооружений остаются частью российско-американских отношений, поэтому и в обозримом будущем ядерное сдерживание будет определять функционирование системы стратегической стабильности.

---

[1] В этой связи наиболее интересным предстает соглашение между Россией и США «Об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия», заключенное в 1993 г., в соответствии с которым Россия передает США 500 т высокообогащенного урана, включая даже тот, который присутствует в боевых блоках ракет, несущих боевое дежурство.

Список литературы

1. **Артемьев А., Македонов Л.** США обогнали Россию на ракетах [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/06/02_a_3636317.shtml (дата обращения: 29.08.2011).
2. **Дворкин В.** Ядерное сдерживание: взгляд в будущее // Pro et contra. 1998. Т. 3. № 4. С. 41-52.
3. **Дьяков А., Мясников Е.** О перспективах замены Договора СНВ-1 новым соглашением [Электронный ресурс]. URL: http://www.armscontrol.ru/pubs/adem-080216.htm
4. **Кокошин А. А.** Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // Мир и Россия на пороге XXI века: вторые Горчаковские чтения / МГИМО МИД РФ. М., 2001. С. 10-34.
5. **Лунев С., Широков Г.** Складывание новой мировой системы и Россия // Pro et contra. 2002. № 4. С. 26-46.
6. **Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М.** От ядерного сдерживания к общей безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://russia.org.cn/rus/2947/31292788.html (дата обращения: 22.08.2011).
7. **Пухов Р., Макиенко К.** «Оборонка» перед технологическими вызовами XXI века // Pro et contra. 1998. № 4. С. 53-69.
8. **Сычев В.** За шесть минут до полуночи [Электронный ресурс]. URL: http:// lenta.ru/articles/2011/06/07/nuclear/ (дата обращения: 29.08.2011).
9. **Федоров Ю.** «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 57-71.
10. **Фененко А.** Современные военно-политические концепции США [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1. URL: http://www.intertrends.ru/nineteenth/007.htm (дата обращения: 29.08.2011).
11. **Хоффмен Д. И.** Сможет ли новый российско-американский договор притупить ядерную угрозу? [Электронный ресурс]. URL: www.inopressa.ru (дата обращения: 22.08.2011).
12. **Ядерные испытания СССР. Т. III. Ядерное оружие. Военно-политические аспекты** [Электронный ресурс]. URL: http://www.iss-atom.ru/sssr3/1.htm (дата обращения: 29.08.2011).

NUCLEAR DETERRENCE CONCEPTION IN THE US-RUSSIAN RELATIONS DURING POST-SOVIET PERIOD

Ol'ga Aleksandrovna Pozdnyakova
Department of Modern Native History
Irkutsk State University
o.pozdnyakova@list.ru

The author discusses the transformation of the nuclear deterrence conception in the US-Russian relations in post-soviet period, and pays special attention to the factors that determine the necessity to preserve and modify nuclear deterrence conception in modern Russian-American relations.

Key words and phrases: Russian-American relations; nuclear weapons; strategic stability; nuclear parity; strategic offensive arms.

УДК 9(43)

Статья посвящена процессу политической децентрализации административной системы Польши на основе нового варианта территориального деления страны в первые постсоциалистические годы (1989-2001 гг.). Особое внимание уделено историческому аспекту подготовки реформ.

Ключевые слова и фразы: Польша; территориально-административная реформа 1999 г.; децентрализация; постсоциалистическая трансформация; воеводства.

Алексей Алексеевич Попов
Кафедра всеобщей истории
Челябинский государственный педагогический университет
alexejalexejevichpopov@gmail.com

ДОЛГИЙ ПУТЬ К СИЛЬНЫМ РЕГИОНАМ: ИСТОРИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШИ (1989-2001 ГГ.)©

Коллапс коммунистического режима в 1989 году в Польше положил начало процессу постсоциалистической трансформации, одним из ключевых условий которой, наряду с либерализацией экономики и демократизацией политической жизни, была децентрализация административной системы. Существовавшая с 1975 года система территориально-административного деления страны содержала ряд существенных изъянов, не позволявших наладить эффективную систему самоуправления, которая могла бы стать основой для децентрализации управления. Прежде всего, все 49 воеводств были слишком слабы политически и экономически, чтобы защищать свои интересы на национальном уровне, муниципалитеты (гмины) не обладали реальной властью на местах, а промежуточный уровень округов (повятов) и вовсе был ликвидирован.

Уже первые правительства новой Польши осознавали необходимость внесения серьезных изменений в административную систему страны. И, хотя правительство Т. Мазовецкого (1989-1990 гг.), имевшее надежную опору в Сейме, основное внимание уделяло экономическим вопросам, тем не менее, в марте 1990 года был принят «Закон о местном самоуправлении», на основе которого уже в мае были проведены первые выборы в муниципалитеты, права которых были значительно расширены.

© Попов А. А., 2011